

Стеклянный фасад полицейского управления отражал слепящий полуденный свет. Лишь проводив взглядом суровый силуэт Лэнд Ровера Лак Пинчжоу, затерявшийся в потоке машин, Фан Шуюй повернулся и направился обратно в офис следственной группы. Информация о «личинке смены духа», полученная от Чи Сяньчуаня, легла на сердце тяжелым камнем, но одновременно обозначила новое направление поисков. Он немедленно собрал команду и перераспределил задачи: сосредоточиться на проверке подозрительных лиц, выходцев из Южного края, владеющих искусством гу, особенно тех, у кого есть медицинское или хирургическое образование; тщательно изучить все предметы, с которыми Ли Гоэр контактировала за неделю до смерти, в особенности реквизит для стримов и подарки фанатов; а также провести более глубокое сетевое отслеживание пользователя с ником Золотая цикада.

В то же время Лак Пинчжоу вел свой внедорожник прочь от шумного центра города в сторону Юньциюань — знаменитого элитного поселка в западной части Пекина. Пейзаж за окном сменился: на смену частоколу высоток пришли тихие, утопающие в зелени улицы. Одной рукой он держался за руль, а пальцы другой машинально поглаживали кожаную оплетку. В памяти всплывали то неземной, почти святой, то лениво-обывательский облик Чи Сяньчуаня, а также душераздирающий крик маленькой девочки после успешного обряда призыва души. Немецкое изречение — Нет ничего страшнее деятельного невежества — эхом отдавалось в ушах, словно заклинание. Он поправил золотую оправу очков, пытаясь отогнать сумбурные мысли, но взгляд его за линзами стал глубже, чем обычно, и в нем промелькнуло едва уловимое замешательство, смешанное с любопытством.

Машина въехала в гараж представительной, изысканной виллы. Лак Пинчжоу заглушил двигатель и вышел. В гараже было светло, там стояло несколько роскошных автомобилей. Он поднялся на внутреннем лифте прямо в гостиную на первом этаже.

Двери лифта с тихим звоном разъехались, навстречу хлынул теплый свет и тонкий аромат чая. В гостиной, вернувшийся из отпуска за границей отец, Лак Ганьинь, сидел в кресле на почетном месте и листал финансовый журнал. Темно-серый кашемировый свитер идеального кроя подчеркивал его утонченность и невозмутимость. Рядом с ним, в мягкой улыбке, сидела мать, Мао Сяньюнь, и о чем-то беседовала со старшим сыном Лак Чунцзином, расположившимся в кресле напротив. Рядом с Чунцзином сидел мужчина с холодным, властным темпераментом — Чу Чэнъянь.

— Папа, мама, старший брат, брат Чэнъянь, — Лак Пинчжоу вышел из лифта, приветствуя всех своим обычным спокойным и вежливым голосом.

— Сяо Чжоу вернулся! — Мао Сяньюнь тут же встала и поспешила навстречу, ее глаза светились любовью и тревогой. Она взяла сына за руки, внимательно оглядывая его: — Почему ты снова похудел? Лицо такое бледное. В университете много работы? Или в больнице завал с операциями? Почему так поздно? Ты хоть ел сегодня?

Лак Пинчжоу позволил матери держать себя за руки, мягко улыбнулся и, накрыв ее ладонь своей, успокаивающе произнес:

— Мама, никакой особой занятости. Просто в последнее время... взялся за одно дело в городском управлении, помогаю им с аналитикой, вот и пришлось немного побегать. Пару дней

отдохну, и все пройдет.

Он говорил спокойно, намеренно опуская кровавые и жуткие подробности расследования.

— В управлении? — Лак Ганъинь отложил журнал, едва заметно нахмурившись, и в его голосе прозвучало неодобрение: — Ты профессор университета, всемирно известный хирург, зачем тебе лезть в полицейские дела? Вся эта грязь и убийства — работа для профессионалов.

Он всегда хотел, чтобы младший сын сосредоточился на медицинских исследованиях и высокотехнологичном медицинском бизнесе корпорации Лак, и подобные отступления от курса вызывали у него недовольство.

Лак Чунцзин, сидевший напротив, вальяжно откинулся на спинку дивана, закинув ногу на ногу. На его красивом лице играла ироничная усмешка. Он был на пять лет старше Пинчжоу, и братья были похожи как две капли воды — те же глубокие черты лица, тот же прямой нос, — но темпераменты их были противоположны. Пинчжоу напоминал холодную, благородную сосну на вершине горы, окутанную ореолом академической строгости и дистанции, тогда как Чунцзин походил на дерево, растущее под тропическим солнцем: уверенный, дерзкий, излучающий мощную харизму и обаяние зрелого мужчины. Он улыбнулся, выручая брата:

— Папа, ты же знаешь характер Пинчжоу, он помешан на науке! Наверняка в управлении столкнулись с чем-то настолько странным, что не поддается обычной медицине, вот и пришлось им просить нашего профессора о помощи. — Он подмигнул брату и добавил с лукавством: — Верно, Пинчжоу? А тебе стоит возвращаться пораньше, мама уже все уши прожужжала, переживая, не застрял ли ты из-за какого-нибудь редкого недуга.

Лак Пинчжоу уловил сигнал брата, слегка кивнул и мягко сказал матери:

— Прости, мама, заставил тебя волноваться.

Мао Сяньюнь хотела что-то ответить, но Лак Ганъинь перебил ее:

— Если у тебя есть время, лучше бы вернулся домой и помог старшему брату вести дела корпорации. Чунцзин один тянет такую махину, тебе пора бы взять часть забот на себя.

Мао Сяньюнь нахмурилась и сердито взглянула на мужа, голос ее больше не звучал так ласково, как при общении с младшим сыном:

— Ты только и умеешь, что ворчать! Сяо Чжоу сам решит, чем ему заниматься. Нравится ему наука — пусть занимается! Сам-то рано на покой ушел, свалил весь бизнес на Сяо Цзина, а теперь еще и к Сяо Чжоу придираешься? Еще слово, и сам иди управляй!

Лак Ганъинь осекся, на его лице промелькнуло смущение. Лак Чунцзин не сдержался и прыснул со смеху, его раскатистый хохот наполнил гостиную. Уголки губ Лак Пинчжоу тоже приподнялись, в глазах потеплело. Даже всегда невозмутимый Чу Чэньян, наблюдая за

привычной сценой в семье Лак, смягчился, на его губах промелькнула едва заметная улыбка.

Атмосфера разрядилась. Лак Пинчжоу усадил мать обратно на диван и сам сел в кресло. Он посмотрел на Чу Чэнъяня и спросил:

— Брат Чэнъянь, Шучжи не приехала?

Фан Шучжи была женой Чу Чэнъяня и сестрой Фан Шуюя. Чу Чэнъянь кивнул, его голос звучал уверенно:

— У нее в Фэнци были важные дела, которые требовали ее личного присутствия, она не смогла отлучиться. Но она просила передать подарки для отца и матери. — Он указал на изысканные коробки на журнальном столике.

Лак Пинчжоу кивнул и замолчал. Он взял чашку с горячим чаем, которую принес слуга, и осторожно сдул пенку. Но Чу Чэнъянь чутко уловил, что Лак Пинчжоу хочет что-то добавить, и его глубокий взгляд, направленный на него, таил в себе немой вопрос:

— Что-то случилось? Ты хотел о чем-то спросить насчет Шучжи?

Лак Пинчжоу чуть крепче сжал чашку, помедлил и произнес:

— Дело, за которое я взялся, ведет следственная группа капитана Фан Шуюя из городского управления.

Чу Чэнъянь приподнял бровь. Он, разумеется, слышал, что его шурин Фан Шуюй перевелся в Пекин и взялся за серию убийств, но не ожидал, что Лак Пинчжоу окажется в это вовлечен.

— Я краем уха слышал об этом деле, — голос Чу Чэнъяня оставался ровным. — Характер его довольно скверный и запутанный. Там замешано что-то... не совсем обычное?

Лак Пинчжоу ответил коротким мычанием, поставил чашку и, подбирая слова, обрисовал ситуацию. Он опустил самые кровавые подробности и упоминания о Чи Сяньчуане, лишь упомянув, что жертвы погибли при странных обстоятельствах, на месте преступления были следы религиозных ритуалов, и полиция подозревает деятельность некой секты, связанную с кровавыми жертвоприношениями. Убийца действовал профессионально и целенаправленно.

Мао Сяньюнь побледнела и крепко вцепилась в руку мужа:

— Боже мой! Как страшно! Сяо Чжоу, ты ведь только помогаешь с анализом? Это не опасно? — с тревогой спросила она.

Лак Пинчжоу покачал головой и похлопал мать по руке:

— Все в порядке, мам. Я лишь предоставляю медицинскую и логическую поддержку, в полевых операциях не участвую, это безопасно.

Лак Чунцзин, напротив, заинтересовался термином кровавое жертвоприношение. Он подался вперед и с ироничной улыбкой посмотрел на брата:

— Кровавое жертвоприношение? Звучит таинственно. Пинчжоу, ты более двадцати лет изучал современную медицину, получил премию Ласкера. Неужели ты веришь в эту чертовщину? — В его тоне слышалась насмешка, но в глубине глаз таилось любопытство. Он знал своего брата как убежденного атеиста и сторонника научного подхода.

Лак Пинчжоу на секунду замешкался. Раньше он бы без колебаний ответил отрицательно. Но сейчас перед глазами стоял образ Чи Сяньчуаня, сцена призыва души и черная кошка, которая ластилась к нему. Он промолчал несколько секунд, в его взгляде за стеклами очков промелькнуло смятение, и наконец он выбрал относительно объективный ответ:

— Мир огромен, в нем много странностей. То, что современная наука не может объяснить, не означает, что этого не существует. Возможно, мы просто еще не нашли подходящих теорий и методов для понимания. В области, которая мне не знакома, я не могу... с ходу отрицать такую возможность.

Его голос оставался спокойным, но бывшее твердое отрицание уже пошатнулось.

В глазах Лак Чунцзина промелькнуло неподдельное удивление, сменившееся еще большим интересом. Он откинулся на спинку дивана, сложил руки на коленях и с многозначительной улыбкой посмотрел на брата:

— Ого, ну надо же. Услышать такое из уст нашего профессора — значит, в этом деле действительно что-то есть.

Он хорошо знал брата: это колебание говорило больше любых слов.

Ужин закончился в теплой, хотя и с небольшими препирательствами, атмосфере. После трапезы Лак Пинчжоу попрощался с родителями и вместе с Чу Чэнъянем спустился на лифте в подземный гараж.

В пустом и тихом гараже эхом отдавались их шаги. Чу Чэнъянь подошел к своему сдержанно-роскошному черному Майбаху, но не стал сразу открывать дверь, а обернулся к отставшему Пинчжоу. Лампы под потолком гаража отбрасывали глубокие тени на его четко очерченное лицо, и его пронизательный взгляд был устремлен прямо на Лак Пинчжоу.

— Пинчжоу, — голос Чу Чэнъяня в тишине гаража прозвучал особенно четко. — Ты хотел найти Шучжи, и я думаю, не только ради дела Шуюя. Есть что-то еще?

Он много лет вращался в деловых кругах и видел людей насквозь. Мгновенное колебание Пинчжоу во время ужина не ускользнуло от его внимания.

Лак Пинчжоу замер, удивленный пронизательностью Чу Чэнъяня. Он не ожидал, что, даже

скрыв имя Чи Сяньчуаня, все равно вызовет подозрения. Помолчав, он решил больше не ходить вокруг да около:

— Да, брат Чэнъянь, ты знаком с... Чи Сяньчуанем?

— Чи Сяньчуань? — Чу Чэнъянь повторил имя, и на его лице появилось понимание. — Старшекурсник Шучжи, мы встречались однажды. Шучжи приглашала его на нашу свадьбу, но он сказал, что в храме много дел, и не смог приехать. — Он сделал паузу, глядя на Пинчжоу. — Что, это дело как-то связано с ним? — Его тон звучал утвердительно.

Лак Пинчжоу не ожидал, что Чи Сяньчуань — старшекурсник Фан Шучжи. Ей двадцать семь, а Чи Сяньчуаню на вид двадцать четыре-двадцать пять... Он отбросил лишние мысли и спокойно пояснил:

— До того как произошло убийство, Чи Сяньчуань спас жертву в лесу за горой Фэнлин, хотя и не смог предотвратить трагедию. Все ключевые зацепки и идеи насчет кровавого жертвоприношения и личинки смены духа — это его мысли, он предоставил довольно... убедительные доказательства.

Чу Чэнъянь прищурился. Он кивнул:

— Я не так много знаю о нем. Только то, что он смотритель храма Юэцзянь, своего рода... даос без официального посвящения? Или, скорее, полудаос. Но, — он сменил тон, в нем прозвучала уверенность, — у него действительно есть способности. Когда у Шучжи возникали проблемы, которые трудно было объяснить, он помогал. Можно сказать, он наш благодетель. Если хочешь узнать о нем больше, — продолжил он, — Шучжи упоминала, что он учился на философском факультете Пекинского университета, но на третьем курсе взял академический отпуск. В архивах университета должны быть записи. Как профессор Пекинского университета, ты легко сможешь их найти.

Лак Пинчжоу поправил очки, скрывая блеск в глазах, и ответил ровным тоном:

— Я просто спросил из любопытства, ничего особенного.

Он открыл дверь своего Лэнд Ровера. Чу Чэнъянь понимающе кивнул, сел в машину и завел двигатель. Черный Майбах издал низкий гул и медленно отъехал. Проезжая мимо Пинчжоу, он опустил окно и смерил его взглядом:

— Хочешь ты узнавать или нет — зависит только от тебя. Шучжи, думаю, уже освободилась, я поехал.

Майбах плавно выехал из гаража. Лак Пинчжоу остался стоять на месте, провожая взглядом исчезающие задние огни машины. Помолчав несколько секунд, он сел в свой автомобиль. Он не завел его сразу, лишь постукивал пальцами по рулю, а взгляд его за стеклами очков оставался непроницаемым.

Примерно через тридцать минут Лак Пинчжоу вернулся на свою виллу недалеко от

Пекинского университета. Это место, вдали от городской суеты, было его единственным уголком спокойствия в свободное от работы время.

Он сразу поднялся вверх, в просторную ванную комнату при главной спальне. Теплые струи воды смывали усталость дня и осевшую на тело пыль. В ванной клубился пар, а на матовом стекле отражался его высокий, подтянутый силуэт.

<http://bllate.org/book/18779/1822049>